

*Алешкевич С. С., канд. филолог. наук, доц.
Белгородский университет кооперации, экономики и права*

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ПРОЦЕССЕ ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ

sergei_alesh@mail.ru

Современная фразеология рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира. Человек не столько выражает свои мысли при помощи метафор, сколько мыслит метафорами. В данной статье рассматривается проблема номинации в процессе образования новых фразеологических единиц в её ономасиологическом и когнитивном аспектах.

Ключевые слова: ономасиология, когнитивистика, инвариант, контекст, реципиент, эмпирический, концептуализация, опыт, дефиниция, метафоризация, концепт, полисемантика, номинация.

Процесс метафоризации – это всегда некоторая проблемная когнитивно-номинативная ситуация со многими переменными факторами. Метафорический процесс охватывает целеполагающую интенцию субъекта метафоризации, задающую те когнитивные и/или прагматические функции, которые будет выполнять метафора в коммуникативных актах. Он включает и мотив выбора того или иного выражения в зависимости от прагматического замысла и топикального характера текста, то есть погруженности этого выбора в некоторый прагматический интерес субъекта и определенную предметную область.

Тот факт, что говорящий отдает предпочтение одним словам, игнорируя другие, обусловлен следующими основными факторами:

I. Выбором преимущественно многозначных слов.

Можно предположить, что на начальном этапе говорящий интуитивно исходит из полисемантики слов, подсознательно удерживая семантический центр слова («семантический стержень слова»), согласно профессору Виноградову) при всех возможных трудностях осуществления данной процедуры.

Начало исследовательского изучения семантического центра слова как основы единства его семантической структуры было положено в работах А.А.Уфимцевой, которая считает, что ЛСВ слова образуют определенные подгруппы, общность которых обусловлена общим семантическим центром. Семантический центр связывает не только группу ЛСВ, но обуславливает и дробление ЛСВ на отдельные употребления.

В семантической структуре древнеанглийского слова *land* А.А.Уфимцева выделяет 3 семантических центра, соотносимых с тремя разными понятиями: 1) земельное держание, владение; 2) страна; 3) суша.

Исключительно важным было и определение взаимосвязи семантических центров: «семантическое единство этих трех стержневых значений поддерживается наличием единой для них семантической «нити», связывающей их так, что при всем своем смысловом различии они остаются лексико-семантическими вариантами слова *land*. Такой семантической «нитью», органически вплетающейся в каждое из стержневых значений слова *land*, является общий, объединяющий понятия (лежащий в основе этих значений) признак – характеристика земли со стороны ее пространственной протяженности» [1, с. 113].

Академик В.В.Виноградов особо подчеркивал роль основного номинативного значения слова в организации всей системы его ЛСВ: «Номинативное значение слова – опора и общественно осознанный фундамент всех других его значений и применений». Таким образом, основной номинативный ЛСВ может рассматриваться как своеобразный смысловой или семантический центр лексемы, на что указывает А.А.Уфимцева: «Основным лексико-семантическим вариантом является тот, который, будучи свободным, устойчивым для данного периода номинативным значением, выступает семантическим центром как производных значений, так и словообразовательных рядов». Соответственно, и семантическая структура слова трактуется как «определенная, иерархически организованная на основе прямого номинативного значения, семантическая структура взаимосвязанных лексико-семантических вариантов, связанных отношениями семантической производности» [2, с. 68;92].

Е.Г. Беляевская обращается к понятию «инварианта», которое пришло в лингвистику из математики, где оно обозначает величину, остающуюся неизменяемой при тех или иных преобразованиях.

В лингвистике получило применение широкое толкование инварианта, которое, по сути, было приравнено к понятию инвариантности.

Инвариант, как обобщенный абстрактный представитель некоторого множества элементов, является целостной единицей, а не просто набором общих свойств своих вариантов, подобно тому, как понятие в психологии есть обобщенное представление о целостном объекте, а не об отдельных признаках, повторяющихся во всех тех предметах, в отвлечении от которых сформировалось понятие [3, с. 84].

Перенесение понятия инварианта в область морфологии и лексики потребовало выделения в качестве инварианта абстрактной, целостной единицы, соотносимой со своими конкретными реализациями как общее с отдельным, и при этом, в отличие от фонемного инварианта, являющейся двуплановой единицей. Содержательная сторона слова весьма подвижна (вариативна), но варьированию может подвергаться и план выражения. Таким образом, в лексике мы получаем многомерное противопоставление инварианта и вариантов с учетом по крайней мере следующих логических возможностей:

1) варьирование в плане выражения при неизменности (инвариантности) плана содержания;

2) варьирование в плане содержания при неизменности (инвариантности) плана выражения;

3) одновременное варьирование в плане выражения и в плане содержания.

Теория инварианта – варианта имплицитно предполагает, что представление об отвлеченной, или инвариантной, языковой единице, реализующейся во множестве речевых вариантов, до некоторой степени моделирует речевую деятельность человека, который, зная языковую систему, реализует ее в конкретных высказываниях.

Е.Г. Беляевская приходит к выводу о том, что представляется более целесообразным при описании вариативности языковых единиц исходить из выделения двух зон: зоны константных признаков единицы и зоны вариативных признаков единицы. Обе зоны могут быть выделены на основании множества конкретных реализаций, и константная зона при этом понимается не как некая абстрактная общность, связывающая все варианты, а как конкретный набор характеристик объекта (т.е. лингвистической единицы или языковой подсистемы), остающийся неизменным при всех

его модификациях в реальных условиях употребления, Неверно было бы считать, что константность принадлежит плану языка, в то время как вариативность характеризует план речи: константные признаки противопоставлены вариативным и сосуществуют в одной плоскости. Константность и вариативность характеризуют, таким образом, любую единицу как элемент системы, а в конкретной реализации проявляются все константные признаки единицы и часть ее вариативных признаков, что и формирует конкретный речевой вариант данной единицы [3, с. 87].

Каждый вариант включает в себя все константные конститутивные признаки, а также часть вариативных из общей зоны вариативности, что и составляет индивидуальную специфику каждого варианта. Константная и вариативная части могут варьироваться по объему, у одних единиц константная часть может быть больше, у других – меньше. Соответственно, и вариативная часть у одних единиц может быть больше, у других – меньше. Наличие константной и вариативной частей единицы является обязательным: без константной или без вариативной части единица существовать не может, хотя соотношение константных и вариативных признаков может быть различным.

Таким образом, в семантике слова можно выделить константную часть – семантический центр слова, составленный из семантических признаков, общих для всех значений ЛСВ, составляющих семантическую структуру слова.

Понятие семантического центра существует только в синхронном аспекте, т.е. установить константную и вариативную часть в значении лексемы можно, только рассматривая всю семантическую структуру слова, что предполагает учет всех совместно функционирующих ЛСВ, а это возможно только в каждый определенный момент развития языковой системы, т.е. на определенном синхронном срезе.

Как показывает процедура компонентного анализа, повторенная десятки раз, структуру фразеологических единиц в подавляющем большинстве случаев составляют полисемантические слова, характеризующиеся небольшой зоной константности и широкой зоной вариативности.

Однако широкосмысленность не следует полностью отождествлять с многозначностью и небольшую константную и широкую вариативную часть могут иметь немногосмысленные лексемы, обозначающие широкие понятия. Например, усуществительного food

имеется четыре значения (COD): 1) substance(s) (to be) taken into the body to maintain life and growth; 2) solid food; 3) particular kind of food, nutriment for plants, skin, etc.; 4) material for mental work. Константная часть, т.е. семантический центр данной лексики, достаточно узок и содержит лишь указание на поглощение чего-либо для поддержания существования чего-либо. Вариативная часть, напротив, очень широка и включает указание на то, что поглощается, чем поглощается и с какой целью. Обобщенный характер семантики и небольшой семантический центр обуславливают тот факт, что в денотативный аспект разных ЛСВ входят антонимичные семантические признаки. Так, ЛСВ-2 содержит компонент 'solid' (*lots of food, but not much to drink; food and drink*). Между описанными полярными моделями соотношения константности и вариативности располагаются многочисленные модели приблизительно равных зон константности и вариативности, а также модели незначительного преобладания константных или вариативных признаков.

В целом следует отметить, что абстрактные, отвлеченные имена имеют более узкий семантический центр и большую зону вариативности, чем конкретные, а из частей речи подобная модель соотношения константных и вариативных признаков более характерна для прилагательных.

Таким образом, можно говорить о том, что на начальном этапе словотворчества говорящий интуитивно стремится выбрать слова, трактуемые нами как слова с широкой семантикой, и, опираясь на семантический центр слова (константную часть), создать оригинальные изменения вариативной части таким образом, чтобы в результате взаимодействия с вариативной частью другого слова (или слов) получилось устойчивое словосочетание – прообраз будущей фразеологической единицы.

II. Серьезностью и намерениями говорящего в отношении передаваемой информации.

М. Блэк пишет о существовании достаточно большого числа контекстов, где значение метафорического выражения требует реконструкции из намерений говорящего, т.к. обширные правила стандартного употребления слишком общие, чтобы иметь способность донести конкретную информацию. Когда Черчилль в знаменитой фразе назвал Муссолини «that utensil» («придаток»), тон его голоса, вербальная обстановка, а также исторические условия помогли точно установить, какая

метафора была использована. Особо следует упомянуть о том, что также не существует правил степени значимости и акцентированности применимых к конкретному случаю использования оборота. Чтобы узнать, что имеет в виду человек, использующий метафору, необходимо знать, насколько серьезно он относится к «фокусу» метафоры [4, с. 29].

Должна ли «логическая форма» выражения иметь особое «обрамление» как имеющая метафорический смысл, будет зависеть от степени серьезности «пользователя» в отношении между аргументами и другими вещами, которые тоже имеют «форму». Много будет зависеть от того, желает ли автор сделать аналогию активной в умах своих читателей и насколько сильно его собственные мысли зависят от предполагаемой аналогии. «Правила языка» в данном случае – не помощник.

III. Необходимостью осуществить распространение или смену значения, то есть задействовать «систему ассоциативных банальностей» реципиента (по М.Блэку).

О метафоре можно говорить, как о фильтре. В таком примере, как «Человек – это волк» можно говорить о двух подлежащих – основном, Man, и дополнительном, Wolf. А если переделать данное метафорическое предложение в вопрос, оно не будет нести читателю предполагаемого значения, особенно если читатель ничего не знает о волках. Необходимы не столько знания читателя о стандартном словарном значении слова «wolf» или возможности использования слова в прямом своем смысле, сколько о так называемой «системе ассоциативных банальностей». Данная система может включать в себя и полуправды, и откровенные ошибки, но для эффективности метафоры важно не то, что «банальности» должны быть правдивыми, а то, что они должны легко воплощаться.

Если назвать человека «волком», будет активизирована так называемая «система относительных совпадений» значения слова «волк». Если человек – волк, он охотится за другими животными, злобен, голоден, живет в постоянной борьбе, питается падалью и т.д. Каждое из этих предполагающих суждений должно подходить к основному подлежащему (Man) как в прямом, так и в переносном смысле. Если метафора подойдет полностью, это будет несомненным преимуществом. Соответствующий слушатель будет руководствоваться системой значений слова «wolf» для создания соответствующей системы значений основного подлежащего. Но эти значения не будут содержать банальностей,

обычно подразумеваемых под употреблением слова «map» в прямом смысле. Новые значения должны определяться структурой значений, ассоциируемых с буквальным значением слова «wolf». Метафора «wolf» снимает акцент с одних деталей и усиливает его на других [4, с.39-41].

Следовательно, слова, входящие во фразеологическую единицу, должны быть широко известными (в любом из ЛСВ). При этом ЛСВ будет «растворен» в общей семантике фразеологизма.

IV. Концептуализацией «эмпирическое посредством пространственного».

Дж.Лакофф пишет, что некоторые из основных понятий, на основе которых действует наше тело : «вверх–вниз»; «внутри–изнутри»; «перед–зад»; «светло–темно»; «тепло–холодно» – очерчены более четко, чем другие. В то время как наши эмоциональные переживания являются такими же важными, как наш пространственный и перцептивный опыт. Наши эмоции разграничены менее четко. Хотя четко очерченная концептуальная структура пространства основана на наших перцептивно-моторных функциях, только из эмоциональных функций не возникает никакой четко очерченной концептуальной структуры [5, с. 57-58].

Так как среди таких эмоций существуют систематические корреляты (т.е. относительные понятия), такие как «счастье», или наш сенсорно-моторный опыт (например, вертикальное положение), все это формирует основу для ориентационных метафорических понятий («happyisup»). Такие метафоры помогают концептуализировать наши эмоции в более определенных терминах, а также соотнести их с другими понятиями, имеющими отношение к общему благополучию (например, «здоровье», «жизнь», «сознание»). В этом смысле можно говорить о «внезапных (неожиданных)» метафорах и «неожиданных» понятиях.

Как и в случае с «ориентационными» метафорами, основные «онтологические» метафоры основаны также на систематических коррелятах в рамках нашего опыта. Так например, метафора «Thevisualfieldisacontainer» основана на корреляции между тем, что мы видим, и навязанным физическим пространством. Метафора «Thetimeisamovingobject» основана на корреляции между движущимся на нас объектом и временем, необходимых ему, чтобы достичь нас. Та же корреляция является основой метафоры «Timeisacontainer» с навязанным

пространством, пересекаемым объектом, коррелирующим со временем, требуемым объектом для пересечения с ним. События и действия соотносимы с «привязанными» временными промежутками, и это делает их «containerobjects»

Возможно, особенно важным в отношении к концепции является различие между нашим опытом и тем, как мы его концептуализируем. Физический опыт, в любом случае, не является более основательным, чем другие сферы жизни человека, эмоциональный, ментальный, культурный и другие. Все перечисленные виды опыта могут быть также важны. Концептуально надо говорить о том, что мы обычно концептуализируем нефизическое посредством физического, т.е. концептуализируем менее определенные понятия посредством более определенных.

V. Желанием совместить отдельные разрозненные свойства и характеристики в целом, но кратком объеме речи.

Человек стремится избрать слова одновременно яркие по звучанию и экспрессии с одной стороны, и заключающие в себе большее количество соответствующих признаков, характеристик и ассоциаций, чем другие слова, входящие в данный семантический ряд или категорию предметов.

Так, Дж.Лакофф пишет о том, что Э. Рош проводила эксперименты в сфере человеческой категоризации, которые показали, что людям свойственно соотносить предметы не в сложившихся теоретических терминах, а посредством прототипов и «родственных» сходств [5, с. 71].

Свойства характеризуют прототип следующим образом: они периодически повторяются действие за действием в обыденной жизни человека, что известно нам как целостное восприятие объекта (gestalt), на основании которого комплекс свойств, проявляющихся совместно, более основателен для человеческого опыта, по сравнению с их разрозненными проявлениями.

Чтобы лучше понять, что же такое «качества, способствующие взаимодействию», необходимо взглянуть на эти качества на основании какого-либо понятия, например gun.

Можно подумать, что такое понятие можно охарактеризовать лишь полностью посредством присущих ему свойств, например, его форма, все то, каким образом собраны составляющие его части и т.д. Но понятие «винтовка» уходит за пределы самого слова, если применить к нему различные определения. К примеру, к слову «gun» применим определение «fake».

Необходимо определить, как «fake» определяет понятие «gun». «Игрушечная винтовка» выглядит и ощущается в руках как винтовка, т.е. имеет контекстуально подобные свойства. Необходимо уметь выполнять соответствующие физические движения, как в случае с настоящей винтовкой (например, держать соответственно). Другими словами, игрушечная винтовка сохраняет те же моторно-активные качества, что и настоящая. Более того, игрушечная винтовка служит определенным целям, тем же, что и настоящая (угроза, демонстрация силы). Но «игрушечная» винтовка потому, что она не может функционировать, как настоящая. И, наконец, она изначально изготавливалась как умело сделанная игрушка, но даже неисправная или сломанная винтовка является настоящей.

Таким образом, определение fake сохраняет определенные качества и свойства, отвергая другие:

Fake сохраняет: качества, основанные на восприятии (игрушечная винтовка) выглядит как винтовка; двигательно-моторные качества (ее можно держать как настоящую винтовку); качества основного предназначения (служит для некоторых целей, что и винтовка).

Fake отвергает: функциональные качества (игрушечная винтовка не стреляет) историю функционирования (если она была создана как настоящая винтовка, значит, она не игрушка)

Вышеописанное объяснение того, как определение «fake» влияет на понятие «gun», указывает на то, что понятие «gun» имеет по крайней мере пять характеристик, три из которых сохраняются словом «fake», а два – отрицаются. Все это говорит о том, что винтовка понимается человеком как «многослойное» целостное понятие, имеющее свойства: перцептивные, моторные, функциональные.

Если рассмотреть все эти свойства, можно обнаружить, что они не являются присущими винтовкам как таковым. Они присущи тому, каким образом человек взаимодействует с винтовкой. Это указывает на то, что понятие «gun», как понимают люди, по крайней мере, частично определяются «взаимодействующими» качествами. Таким образом, можно прийти к выводу, что наши понятия о предметах, как и понятия о событиях и деятельности, могут быть охарактеризованы как «многослойные» целостные понятия, чьи свойства возникают естественным образом из познания человеком окружающего мира.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что для говорящего в сложившейся языковой ситуации, прежде всего,

имеют определяющее значение:

1. выбор преимущественно многозначных слов;
2. серьезность и намерения говорящего в отношении передаваемой информации;
3. необходимость осуществить распространение или смену значения;
4. концептуализация: эмпирическое посредством пространственного;
5. желание совместить отдельные разрозненные свойства и характеристики в целом, но кратком объеме речи;
6. выбираемые слова должны отражать «основную сферу жизненного опыта» человека;
7. избираемые слова должны отражать то, каким образом говорящий понимает собственный жизненный опыт;
8. выбор слов для иллюстрации данного концепта в данной языковой ситуации продиктован контекстом;
9. слова, избираемые для иллюстрации метафорических концептов должны быть мотивированы семантически;

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Семантика слова. Аспекты семантических исследований. / А.А.Уфийцева. - М., 1980. - 98 -147с.
2. О некоторых вопросах теории русской лексикографии Избранные труды. Лексикология и лексикография. / В.В.Виноградов. - М., 1977. - 468 с.
3. Семантика слова: Учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков. / Е.Г. Беляевская. - М., «Высшая школа», 1987. - 128 с.
4. Models and Metaphors. / Max.Black. - Cornell University by Press, Ithaka, New York, 1962. - 215 p.
5. Metaphors We Live by. / George Lakoff, Mark Johnson. - Unit of Chicago Press, 1980. - 186 p.
6. Semantics. An Introduction to the Science of Meaning./ St.Ullman. - Oxford, 1977. -257 p.